

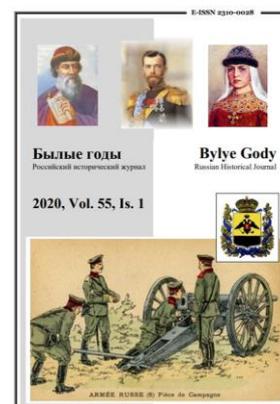
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 206-214. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.206
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Colonization, Migration and Porto Franco in the Far East of Russia in the late 19th – early 20th centuries

Elena O. Starovoytova ^a, Denis G. Yanchenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article based on the materials of the Russian State Historical Archive and the Russian State Historical Archive of the Far East characterizes the migration policy pursued by the central and regional authorities in the Far East of the Russian Empire. The active phase of peasant migration from European Russia and Siberia mainly touched upon the period of Stolypin transformations. While in the Amur region Russian colonization carried out in the territories prepared and relatively well developed in terms of infrastructure, Kamchatka and Sakhalin lacked attention and funding from the authorities. The Sakhalin Katorga, which lasted for more than 20 years, even after its abolition had an impact not only on the legal status of local residents, but also on the funding of the new settlers. The porto franco system, as an integral part of the policy of economic support for the Far East suburbs, accompanied by cheap labor from Northeast China since the 1870s and 1880s. It is noteworthy that all attempts to abolish porto franco accompanied by numerous discussions about the "yellow danger" and the need to strengthen Russian influence in the region.

Keywords: the Far East, colonization, migration, Chinese labor, Sakhalin, Kamchatka, agrarian issue, porto franco.

1. Введение

Освоение Дальнего Востока со второй половины XIX в. стало одной из первоочередных задач Российской империи, при решении которой правительство столкнулось с рядом известных сложностей – суровыми климатическими условиями, малонаселенностью края, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры и др. После окончания Опиумных войн в Китае Восточная Азия стала зоной столкновения стратегических интересов великих держав, а также США и Японии. Эти факторы, наряду со значительной географической отдаленностью от центральной власти, усложняли процесс освоения Российской империей ее дальневосточных окраин. Помимо этого, как заметил российский историк А.В. Ремнев, «одной из важнейших особенностей функционирования региональной власти в Азиатской России XIX – начала XX веков было отсутствие четкой грани между внешней и внутренней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ» (Ремнев, 2004: 20). Несмотря на трудности, Россия планомерно расширяла свою экспансию на Дальний Восток, а со второй половины 90-х гг. XIX века перешла к политике активного экономического проникновения на Северо-Восток Китая (в Маньчжурию). Эти явления часто связывают как с личными амбициями Николая II, «желавшего вообще распространить влияние России на Дальний Восток» (Витте, 1994: 42), так и с изменившейся геополитической ситуацией в регионе в целом. Колонизация русских окраинных территорий требовала решения нескольких принципиальных задач. Первоочередной из них было заселение крестьянами из Сибири и европейской России Приамурья, Камчатки и Сахалина для нужд экономического развития края: создания современного сельского хозяйства, промышленности, торговли, инфраструктуры.

* Corresponding author

E-mail addresses: e.starovoytova@spbu.ru (E.O. Starovoytova), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko)

2. Материалы и методы

2.1. Неопубликованные или малоизученные документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) позволяют комплексно охарактеризовать ситуацию с миграцией как русскоязычного населения империи, так и приток иностранной рабочей силы (преимущественно китайских и корейских рабочих) в изучаемый регион.

2.2. Методологической основой статьи стали общенаучные методы и принципы историзма, критический, сравнительный и системный анализы источниковой базы. Применение такой методологии обусловлено спецификой источников – это отчетные материалы чиновников разного уровня, представлявших как имперский центр, так и региональные управленческие элиты. Историко-генетический, историко-сравнительный и системный подходы помогли показать причинно-следственные связи и закономерности развития характеризуемого явления, учитывая его региональную специфику.

3. Обсуждение

В целом, большинство исследователей приходят к выводу о том, что со второй половины XIX века заселение Дальнего Востока России осуществлялось преимущественно добровольным путем, однако процесс этот оставался крайне медленным ввиду отдаленности дальневосточных регионов, а также наиболее затратным по сравнению с заселением других окраин страны (Любавский, 1996; Кабузан, 1976; Сидоркина, 1997). Сегодня Дальний Восток не обделен вниманием исследователей. Существующие характеристики проблем, традиционно выделяемых в историографии, были востребованы при подготовке данной работы (Кабузан, 1976; Дацышен, 2000; Ремнев, 2004; Ходяков, 2019; Иванов, 2019 и др.). Обеспечение колонизационной активности ресурсами и товарами в значительной степени было связано с системой порто-франко, введенной на начальном этапе заселения Дальнего Востока России (Алепко, 2003; Беляева, 2009; Беляева, 2004).

4. Результаты

Несмотря на наличие льгот для крестьян-переселенцев из европейской части России, в виде предоставления обширных земельных наделов, денежных ссуд, посева зерна и даже сельскохозяйственных орудий и инвентаря, освобождения от уплаты податей на определенный срок, корейские и китайские переселенцы, осевшие в Приамурье еще в 1870–1880 гг. вели хозяйство успешнее русских. В отчете военного губернатора Амурской области за 1895 г. мы находим такие строки: «китайские подданные, проживающие на левом берегу Амура, ниже устья Зеи, живут в особом, сравнительно с русскими, привилегированном положении, пользуясь землей и всеми угодьями в пределах своей оседлости без всяких платежей за право пользоваться ими» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 80. Л. 1-1 об.). Даже во второй половине царствования Николая II льготы, какими бы существенными они ни были, мало способствовали переселению и закреплению населения в отдаленных частях огромного дальневосточного региона – на Сахалине и Камчатке. В целом, и участники описываемых событий, и исследователи приходили к выводу о том, что крестьянские хозяйства оказались не способны в должной мере обеспечивать продовольствием все население русского Дальнего Востока. В отчете приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел за 1897 г. отмечено, что «данные о производительности Амурской и Приморской областей показывают, что продовольствие населения этих областей не обеспечивается местным производством» (в отчете приводятся данные о с/х производительности в регионе с 1883 по 1896 гг.) (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.). Во многом это связывалось с тяжелыми условиями труда в регионе, приспособиться к которым русским переселенцам было крайне нелегко. Со второй половины XIX века наблюдался неуклонный рост числа китайских переселенцев, прежде всего из Северо-Восточных регионов Китая, в том числе крестьян, занимавшихся сельским хозяйством. По данным, приводимым Т.Н. Сорокиной, число китайских земледельцев только на территории Амурского края составляло 33 % от всего числа китайских переселенцев, которое насчитывало около 15 тыс. человек (Сорокина, 1999: 49).

Данные местной администрации свидетельствовали о том, что в 1895 г. население Амурской области составляло порядка 121516 жителей, из которых 80165 человек – сельское население с приисковыми рабочими (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6). По официальным данным, китайские и корейские земледельцы, хоть и были более привычны к обработке местных земель, очевидно, «кормили» лишь самих себя. Они не могли обеспечить нужды местного русского населения, порядка 30 % которого составляли военные. Несмотря на то, что темпы роста населения русского Дальнего Востока были не слишком высокими (в 1900 г. население Амурской области составило около 138 тыс. человек), исследователи отмечают, что количество неземледельческого населения увеличивалось значительно быстрее, чем количество земледельцев, что негативно сказывалось на обеспечении городов и поселков продовольствием (Устюгова, 2002: 14). В упомянутом выше отчете приамурского генерал-губернатора с тревогой говорилось об этой ситуации. С каждым годом, «с умножением земледельческого населения, площадь распаханых земель увеличивается, а вместе с тем увеличивается и количество собираемого хлебного зерна, но вместе с этим еще быстрее идет

увеличение городского и промыслового неземледельческого населения, а также количество расположенных в крае войск» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.-7). Основные поставки недостающего хлеба, согласно этому же документу, осуществлялись из Китая, Японии, Одессы и Америки (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.). С каждым годом темпы ввоза хлеба на Дальний Восток существенно увеличивались. Так, только через порты Владивостока и Николаевска было ввезено хлебных продуктов в 1893 г. – 715,2 тыс. пудов, в 1894 г. – 1 млн 497,7 тыс. пудов, а в 1896 г. – уже более 2,5 млн пудов (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 7 об.). Как подсчитано А.В. Алепко, доля завозимого из Сибири или из-за границы зерна для мукомольной отрасли Приамурского и Уссурийского краев к концу XIX века составляла более 66 % (Алепко, 2003: 33).

С началом аграрной реформы 1906 г. приток крестьянского населения на Дальний Восток увеличился, и с 1907 по 1913 гг. составлял около 40 тыс. человек в год (Простакишина, 2012: 54-58). Тем не менее архивные данные свидетельствуют о том, что ситуация с нехваткой крестьянского населения и, соответственно, с производством зерна в количестве, необходимом для обеспечения продовольственной безопасности региона, продолжала оставаться крайне актуальной. По отзывам современников, «при тех неблагоприятных для России условиях, которые сложились на Дальнем Востоке после войны с Японией, увеличение численности населения и укрепление русской народности в областях этого края представляется вопросом государственной важности» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 16). В качестве одной из мер по увеличению населения края с 1908 г. начался допуск в регион переселенцев из числа зарубежных старообрядцев и малороссов, преимущественно из Придунайских земель, с установлением особого льготного порядка их принятия в русское подданство. Отмечалось, что «переселенцы этого рода должны быть признаны наиболее пригодным для колонизации нашей дальневосточной окраины элементом», благодаря качествам, отличающим старообрядцев: трудолюбию, «неприхотливости к быту, а главное, преданности исконным началам русской народности» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 16 об.). Помимо этого, предполагалось, что такие переселенцы смогут привнести в край «более совершенные приемы сельскохозяйственной культуры» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 18). Однако вопрос с нехваткой местного продовольствия так и не удалось решить вплоть до кануна Первой мировой войны. Регион оказался в значительной зависимости от поставок зерна из Маньчжурии, что никак не могло соответствовать задаче обеспечения продовольственной безопасности дальневосточных окраин империи (Ходяков, 2018). Очевидно, что успехи не могли сопровождать все направления деятельности как центральной, так и региональной власти. В этом контексте вполне применимо утверждение А.В. Ремнева: «Реальное административное поведение империи на окраинах представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций при элиминировании политических претензий» (Ремнев, 2004: 17).

Показательна ситуация, сложившаяся на Камчатке и Сахалине после Русско-японской войны, подробно охарактеризованная в рапортах местных чиновников Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и Министерства внутренних дел (МВД). Область, «дотационная» даже по меркам Дальнего Востока, требовала принципиально иного подхода к вопросам экономического освоения и трудовой миграции. Поселенцы, в течение нескольких лет жившие в Камчатской области, «не имели в нем долгих связей, «укоренения» и могли вернуться в центральные губернии в любой момент» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 46 об.). В 1909 г. губернатор Камчатской области В.В. Перфильев писал о необходимости проводить своеобразный отбор «благонадежных» (т.е. имевших долговременные планы) переселенцев. Часть из них, в основном мастеровые, зачислялась в петропавловские мещане. Чиновник писал о целесообразности финансовой мотивации переселенцев с трудовыми навыками: «на побережье при устьях более или менее крупных рек мною сажается такой народ /преимущественно рабочих с рыбалок/, который обещает сделаться специально промысловым и создает на месте кадр промысловых рабочих для капиталистического рыболовства. Так, пока основалась колония при устье р. Озерной /начало ей было положено еще в 1907/8 годах/. Эти новоселы работали в текущем году на промысле Грушецкого, там же в Озерной, и в общем заработали до 6000 руб.» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 46 об.-47). Впрочем, даже консервативные публицисты проправительственной, «стольпинской», газеты «Окраины России» негативно оценивали перспективы рыбной отрасли: «японцы отправляют на Камчатку научно-исследовательские суда, изучающие рыбный промысел в соответствии с последними достижениями наукой», в отсутствие русских крейсеров хищнической эксплуатации подвергался пушной промысел на Командорских островах, страшным ударом по экономике края было пьянство, широко распространявшееся среди местных жителей... (Иванов, Котов, 2019: 55). Выделение русским артелям наиболее выгодных промысловых участков оставалось одной из ключевых мер стимулирования новых жителей Камчатки к долговременной хозяйственной деятельности.

Из Приамурья на север переселялись сектанты-молокане, люди достаточно состоятельные даже по местным меркам. Заметим, что проблемы Камчатки были характерны для раннего этапа освоения Приамурья: «привлечение на Камчатку переселенцев требует большой осторожности и таких же

опытов, как и посевы злаков, дабы предварительно выяснить, действительно ли переселенцы на Камчатке могут прочно и навсегда устроиться и в каком количестве» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 47 об.). Образцовые участки с высокой агрономической культурой создавались при поддержке властей и «укоренившихся» в регионе крестьян-старожилов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 43-43 об.). Даже при постоянном внимании к миграционным делам областного губернатора по факту размеры крестьянского переселения ГУЗиЗ признавались «ничтожными». «Переселение на Камчатку обычным порядком по проходным свидетельствам едва ли применимо», – писал В.В. Перфильев в 1910 г. в Комитет по заселению Дальнего Востока, – «чтобы получить на Камчатке сильный и надежный элемент, нужно допустить вольное заселение» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 51 об.). Существенными проблемами были дороговизна, необходимость присылки строительных материалов из Владивостока, организация охраны промыслов от браконьерства (Иванов, 2019), недостаточная медицинская помощь, требовавшая финансовой поддержки от предпринимательских кругов. К примеру, петропавловскую лечебницу «какое-то время поддерживало Камчатское торговое-промышленное общество, выделяя по 2000 рублей в год» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 43-43 об.).

В целом вся организация и развитие торговли в регионе оказались тесно связанными с глобальной проблемой обеспечения жителей Дальнего Востока продовольствием. С началом колонизации региона, преследуя цель скорейшего включения этих районов в активную экономическую жизнь страны, правительство Российской империи ввело в 1860 г. на территории Приамурья и Приморья режим беспошлинной торговли – порто-франко. Эта мера была обычной практикой для второй половины XIX века и должна была способствовать привлечению востребованных местным населением товаров, а также иностранных инвестиций. Среди причин привлечения иностранного капитала для освоения дальневосточных окраин империи А.В. Алепко выделяет «отсутствие необходимых сумм в государственном казначействе; узость внутрироссийского денежного рынка; незаинтересованность крупной буржуазии экономического центра страны во вложении своих средств в промышленно-транспортные предприятия далекой и безлюдной окраины; крайний недостаток рабочих рук» (Алепко, 2003: 34). Эта мера была довольно успешной и способствовала значительному увеличению товарооборота в регионе в сжатые сроки. Основными предметами ввоза были товары первой необходимости: «бумажные, шелковые, шерстяные, пеньковые и льняные ткани, сахар, свечи, мыло, кожи и кожаные изделия, виноградные вина, изделия из благородных металлов» (Беляева, 2009: 6). С 90-х гг. XIX века регион стал остро нуждаться в орудиях для сельскохозяйственного производства, речных и морских судах, а также машинах для промышленных работ, рельсах и элементах подвижного состава для возраставших нужд железнодорожного строительства Российской империи на Дальнем Востоке. Такая продукция поступала, главным образом, из Североамериканских Соединенных Штатов. Согласно данным департамента таможенных сборов, приводимым Л.Н. Гарусовой, в 1891–1900 гг. импорт североамериканских товаров в Российскую империю составлял 43 млн руб., в то время как экспорт – всего 2,6 млн руб. (Гарусова, 2001). И хотя речь в данном случае идет о всей российско-американской торговле за указанный период, очевидно, что во Владивостоке американский импорт значительно преобладал над русским экспортом. Современники даже шутили, что «всякая вообще американская вещь стоит втрое дешевле, чем в Америке» (Гарусова, 2001). Не удивительно, что уже со второй половины 80 гг. XIX века, опасаясь оттока капиталов и ухудшения позиций русской экспортной торговли, и как следствие чрезмерного укрепления иностранных предприятий на Дальнем Востоке России, сторонники протекционистских мер пытались ограничить режим порто-франко, стремясь обеспечить более выгодные позиции для представителей молодого российского капитала. Эта тенденция лишь усилилась на рубеже XIX и XX веков вслед за активизацией Западных держав и Японии в регионе и появлением потенциальной угрозы потери Россией дальневосточных окраин (Янченко, Старовойтова, 2018: 586).

Основным ударом по позиции сторонников сохранения режима свободной торговли стало начало строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. Предполагалось, что теперь регион будет возможно снабжать сухопутным путем, и потребность в поставках товаров морем через Владивосток отпадет. В результате сторонники отмены зоны беспошлинной торговли на Дальнем Востоке одержали верх, он был отменен с 1 января 1901 г. Однако неподготовленность местных предпринимателей и плохая организация таможенного регулирования приводили ко множественным жалобам со стороны представителей деловых кругов дальневосточного региона. Н.А. Беляева отмечает, что «в отмене порто-франко и введении таможенного обложения местные предприниматели и поддерживающая их администрация Приморской области видели главную причину явно обозначившегося упадка Владивостока, который терял свои позиции важнейшего торгового центра» (Беляева, 2009: 7). Среди причин, повлиявших на ослабление экономического положения Приамурья в первые годы XX столетия, современники также называли строительство КВЖД и последовавший за этим отток капиталов в Маньчжурию (Беляева, 2009: 8). В попытках разрешить противоречия и побороть существенный рост контрабанды, доставляемой в Приамурье сухопутным путем, режим порто-франко был восстановлен в регионе в мае 1904 г. в условиях военных действий. Однако в целом торговый баланс на Дальнем Востоке продолжал складываться не в пользу

Российской империи. К примеру, в 1906 г. импорт товаров из Китая достигал 97,4 млн руб., тогда как экспорт российских товаров составил 57,5 млн руб. (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 438. Л. 4).

Окончательная отмена режима беспошлинной торговли на Дальнем Востоке произошла лишь в марте 1909 г., когда вступил в силу «Закон Государственной Думы о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства». Однако и тогда местные консулы отмечали «неподготовленность русских купцов к этой мере и неосведомленность их об ее введении, вследствие чего они могут нести значительные убытки» (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 437. Л. 22 об.). Как пишет М.В. Ходяков: «Этот шаг привел к краху некоторых русских, а также китайских предприятий, строивших свои обороты исключительно на ввозе иностранных товаров» (Ходяков, 2019: 79). Согласимся с Н.А. Беляевой, которая, исследуя таможенную политику Российской империи на Дальнем Востоке в описываемый период, пришла к выводу о том, что «ни в одном регионе мира таможенные проблемы не приобретали такой остроты и не использовались так широко в качестве мощного оружия политического и экономического противоборства» (Беляева, 2004: 6). В условиях относительно слабого контроля русско-китайской границы (Дацышен, 2000) от Министерства финансов и правительства в целом требовалось непрерывное финансирование инфраструктуры и промышленности региона, всего проекта дальневосточной колонизации.

Удручающей даже после отмены каторги в 1906 г. была ситуация с заселением Сахалина. Как отмечалось в представлении 1907 г. военного губернатора Сахалина Приамурскому генерал-губернатору, «Сахалин... не включен в заселяемый переселенцами район, на нем нет сельских обществ, нет определенных казенных участков...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113 об.). Северная часть острова была обследована в 1909 г. для определения площадей, пригодных для заселения. В Хабаровске действовала специальная Комиссия по колонизационному делу, обобщавшая поступающие материалы. Основная проблема острова – разрешение вопроса о статусе ссыльного населения, признания за ним прав сельских обывателей, тем более что по указу 13 марта 1908 г., по высочайшему повелению Сахалин был открыт для вольного заселения. Предельный размер надела определялся в 15 десятин (16,35 га – Авт.) как для старожилов, так и пребывавших поселенцев. «Земли старожилого населения занимают 67000 дес.; и только 53000 дес. остаются для образования переселенческих участков. Из старожильческих селений в 12 доприселение недопустимо за окончательным их заполнением, в остальных 15 такового возможно» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 687. Л. 1-1 об.). 1500–2000 определенных чиновниками земельных долей Сахалина должны были привлечь переселенцев. Депопуляция острова после отмены каторги, нежелание прибывавших из европейской России крестьян уезжать на остров тревожили чиновников. «Размеры переселения на Сахалин крайне незначительны: за истекшее двухлетие (со времени открытия его для заселения) туда переселилось только 6 семейств и один одинокий домохозяин (всего 30 душ обоего пола), ...в 1910 году ожидается, на основании данных зачисления текущего года, всего 15 семейств (120 душ обоего пола)» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 687. Л. 1 об.).

За почти пять десятилетий существования каторги остров приобрел дурную славу, прав сельских обывателей у местного населения не было, как отмечалось в материалах хабаровской Комиссии по переселенческому делу, «возникают серьезные практические опасения, что ссыльное население, лишенное учтенной уже им возможности использовать выгоды своего фактического землепользования, крайне недружественно встретит переселенцев» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 112 об.), «если даже допустить, что современное фактическое землепользование каждого домохозяина будет тщательно обмежевано и ограничено в натуре прочными межевыми признаками, то и эта мера не облегчит новоселу занятие необходимых угодий, ибо ближайшие соседи – ссыльные – всегда найдут возможность серьезно вредить ему» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113). Каторжане находились в ведении приамурского генерал-губернатора, и их землеустройство оказалось прерогативой власти. Вот как в мае 1911 г. характеризовал ситуацию приамурскому генерал-губернатору глава Приморского переселенческого района А.А. Татищев: «Семьи водворяются по общему правилу на земельных участках, покинутых бывшими ссыльнопоселенцами», участки «находятся в распоряжении соответственных сельских обществ», вследствие чего устройство новоселов предполагалось оформлять «приемными приговорами. Между тем в силу примеч. 2-го к ст. 42 правил о переселении, лица, водворяющиеся в старожилых обществах по приемным приговорам, получают ссуды лишь в половинном размере, явно недостаточном при дороговизне жизни на Сахалине... Сахалинские старожилы не могут иметь юридических прав на земли, покинутые бывшими засельщиками острова, и водворение на эти земли новоселов должно производиться исключительно распоряжением местных властей, без всяких приговоров обществ» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113 об.). А.А. Татищев просил указать на проблему губернатору Сахалинской области и сообщал, что своей властью дал распоряжение о выдаче ссуд в предельном размере, установленном для крестьянских начальников.

Примечательно, что в оценках столичного, близкого к власти издания «Окраины России» японский опыт и успехи в колонизации южной части острова представлялись незначительными (Иванов, Котов, 2019: 55). К примеру, конкуренцию с японцами в Маньчжурии, соседствующей с

русским Дальним Востоком, власти к 1911 г. стремительно проигрывали и вынуждены были это признать. Северная же, русская часть острова Сахалин, в отличие от Маньчжурии, где существовали многочисленные консульские учреждения иностранных держав, огромное количество местных изданий, не обладала разнообразием источников информации и оставалась под бдительным административным контролем. Как отмечал А.В. Ремнев, «региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах известную противоречивость» (Ремнев, 2004: 17). Административный ресурс позволял контролировать миграцию на остров, ни о каком вторжении иностранной рабочей силы не могло быть и речи.

Между тем вопрос о китайских переселенцах в Приамурье на рубеже XIX–XX веков оставался открытым. Помимо упомянутых земледельцев, с конца XIX века в регион стало проникать большое количество китайских рабочих, гонимых нехваткой пропитания на родине. В условиях дефицита рабочей силы для растущих хозяйственных нужд региона китайские работники оказались крайне востребованы. Рабочие-китайцы были заняты как на казенных, так и на частных предприятиях: в основном в строительстве – в первую очередь железнодорожных путей и портов, а также на работах по добыче полезных ископаемых. Китайский труд был крайне популярен у местных работодателей, т.к. азиатские работники требовали меньших расходов на содержание и довольствовались крайне скромным бытом. Современники отмечали, что в отличие от их соотечественников китайцы не пили, не требовали прибавки, не бунтовали, работали практически без выходных. Согласно архивным документам, на содержание среднестатистического китайского рабочего уходило 14–20 руб. в летний сезон (с мая по октябрь) и 12–15 руб. зимой, в то время как русские хотели получать 35–40 руб. в месяц летом и 40–45 руб. зимой (РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 127). Столь существенная разница в оплате иностранцев с лихвой компенсировала производительность их труда, которая была в среднем на 25 % ниже по сравнению с российскими рабочими. В целом, можно утверждать, что количество китайских переселенцев на Дальнем Востоке России в первые десятилетия XX столетия постоянно увеличивалось. Этому способствовали такие события, как окончание строительства КВЖД, когда на территории Маньчжурии высвободилось большое количество рабочих рук, а также Русско-японская война, приведшая к массовым миграциям китайского населения. Широкий диапазон мнений высшего военного руководства страны относительно планов на Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии отражался в дискуссиях о будущем региона. В оценках ситуации в так называемой «Желтой России» большинство представителей русской элиты были убеждены в том, что Россия не должна отказываться от военного, административного и экономического господства над Маньчжурией. При таких внешнеполитических установках создание искусственных преград для трудовой миграции при отсутствии полного контроля границы становилось в послевоенных условиях делом достаточно проблематичным.

Рост числа китайских переселенцев и трудности в вопросах административного регулирования этого процесса приводили к недовольству среди различных слоев местного русского населения. Уже с начала XX века все чаще слышались призывы к ограничению или даже полному запрету использования азиатского, в первую очередь китайского труда. Однако, как отмечает в монографии А.Г. Ларин, приток китайских переселенцев на русский Дальний Восток на рубеже XIX–XX все-таки был существенно меньше, чем количество прибывавших из европейской части России. Так, в 1910 г. количество китайских переселенцев даже с учетом погрешности в подсчетах стабильно составляло лишь 10–12 % от общего числа российских подданных, составлявшего порядка 1,2 млн человек (Ларин, 2009: 27).

5. Заключение

Ускоренная русская колонизация и заселение Дальнего Востока – безусловно, важнейшее начинание правительства, формировавшее экономическую повестку огромного региона. Проблемные территории – Северный Сахалин, отчасти Камчатка – находились на периферии политического внимания властей и экономической жизни региона. При этом районы, прилегавшие к Транссибу и КВЖД, стремительно обрастали новыми городами, поселками, заселялись как выходцами из европейской России, так и мигрантами. Полагаем, что китайский труд, несмотря на враждебную риторику центральной власти, с точки зрения региональных администраторов и предпринимателей, вряд ли представлял угрозу для процветания местного русского населения. Как и сегодня, он являлся важной составной частью хозяйственного освоения Дальнего Востока. Система порто-франко как составная часть политики по экономическому обеспечению окраины с 1870–1880 гг. сопровождалась привлечением дешевой рабочей силы из Северо-Восточного Китая. Примечательно, что все попытки отмены порто-франко сопровождались множественными дискуссиями о «желтой опасности» и необходимости усиления русского экономического влияния, но возымели эффект только в условиях думской монархии. В 1910–1911 гг. с подачи приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти была организована массовая депортация китайских нелегальных мигрантов, однако весной 1911 г.

сезонные рабочие потребовались даже военному ведомству (Иванов, Котов, 2019: 55). С началом Первой мировой войны, когда первоочередной задачей Российской империи стала ускоренная милитаризация экономики, именно железодобывающие и каменноугольные предприятия Дальнего Востока вновь стали инициаторами притока дешевого китайского труда (Ходяков, Чжао, 2017).

Восточные и северо-восточные территории колонизировались медленнее, чем Приамурье. Привлечение иностранного труда для их освоения стратегически не было оправданно. На Камчатке и Сахалине в ходе активной фазы столыпинского переселения расходы фактически ограничивались самыми неотложными потребностями. Обследование свободных площадей не проводилось, хождение ограничивалось отчасти в силу транспортной удаленности (Камчатка), но больше из-за опасений крестьянских волнений со стороны администрации края (Сахалин). Планы по созданию крупных животноводческих хозяйств остались на бумаге (Янченко, Слободзян, 2017: 100). В ноябре–декабре 1916 г. во Владивостоке рассматривался вопрос о проведении повторной экспедиции ГУЗиЗ для обследования Камчатки, связанного с тем, что условия переселения после проведенной административной реформы в области существенно изменились. Экспедиция планировалась на март 1917 г., и возглавить ее был должен уже проводивший исследование края семью годами ранее, в 1908–1909 гг., ст. сов. В.И. Рубинский. Однако в условиях 1917 г. перед центральной и региональной властью были поставлены совсем иные задачи. Революция и Гражданская война приостановили дело комплексного экономического освоения и колонизации Дальнего Востока.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)». The Russian Science Foundation supports this research. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

Литература

- Алепо, 2003 – Алепо А.В. Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России: конец XVIII в. – 1917 г.: Автореф. дисс. ... д.и.н. Иркутск, 2003. 45 с.
- Беляева, 2009 – Беляева Н.А. Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2009. С. 5-10.
- Беляева, 2004 – Беляева Н.А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дисс. ... д.и.н. Владивосток, 2004. 52 с.
- Витте, 1994 – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 2: 1894–1905. Царствование Николая II. Таллин. М.: Скиф Алекс, 1994. 576 с.
- Гарусова, 2001 – Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: ВГУЭС, 2001. 178 с.
- Дацышен, 2000 – Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. 215 с.
- Иванов, 2019 – Иванов А.А. Иностранное хищничество и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // *Научный диалог*. 2019. № 2. С. 221-236.
- Иванов, Котов, 2019 – Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» // *Вопросы истории*. 2019. № 8. С. 50-63.
- Кабузан, 1976 – Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (Вторая половина XVII – начало XX вв.) / В.М. Кабузан. 2-е изд., доп. Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. 198 с.
- Ларин, 2009 – Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
- Любавский, 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. 682 с.
- Простакишина, 2012 – Простакишина Н.П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // *История и археология* / Материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 54-58.
- Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Сидоркина, 1997 – Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на Российском Дальнем Востоке / З.И. Сидоркина; Рос. акад. наук. Дальневосточное отделение, Тихоокеанский ин-т географии. Владивосток: Дальнаука, 1997. 125 с.
- Сорокина, 1999 – Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во ОГУ, 1999. 264 с.
- Устюгова, 2002 – Устюгова О.А. Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Владивосток, 2002. 23 с.

Ходяков, 2019 – Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX в. об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 60. С. 78-83.

Ходяков, 2018 – Ходяков М.В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // *Вестник Рязанского государственного университета им С.А. Есенина*. 3 (60). Рязань, 2018.

Ходяков, Чжао, 2017 – Ходяков М.В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. № 1. Санкт-Петербург, 2017. С. 7-30.

Янченко, Слободзян, 2017 – Янченко Д.Г., Слободзян Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 12. С. 93-106.

Янченко, Старовойтова, 2018 – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583-595.

References

Alepko, 2003 – Alepko A.V. (2003). Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika i inostrannyi kapital na Dal'nem Vostoke Rossii: Konec XVIII v. – 1917 g.: avtoreferat dissertacii doctora istoricheskikh nauk [State Economic Policy and Foreign Capital in the Far East of Russia: End of the 18th century – 1917: abstract of dissertation for the degree of Doctor of History]. Irkutsk, 2003. 45 p. [in Russian]

Belyaeva, 2004 – Belyaeva N.A. (2004). Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: avtoreferat dissertacii doctora istoricheskikh nauk [Customs policy of Russia in the Far East in the second half of the XIX – beginning of the XX century: author's abstract for the PhD]. Vladivostok, 52 p. [in Russian]

Belyaeva, 2009 – Belyaeva N.A. (2009). Diskussiya o sud'be priamurskogo porto franko (1901–1905) [Discussion on the prospects of the Amur porto franco (1901–1905)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, pp. 5-10. [in Russian]

Dacyshen, 2000 – Dacyshen V.G. (2000). Ocherki istorii rossiysko-kitayskoi granicy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Kyzyl, 215 p. [in Russian]

Garusova, 2001 – Garusova L.N. (2001). Rossiysko-Amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' [Russian-American Regional Relations in the Far East: History and Modernity]. Vladivostok: VGUJeS, 178 p. [in Russian]

Ivanov, 2019 – Ivanov A.A. (2019). Inostrannoe khishchnichestvo i okhrana promyslovykh resursov na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Foreign “Predation” and Commercial Resources Protection in Far East of Russia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Nauchnyi dialog*. 2: 221-236. [in Russian]

Ivanov, Kotov, 2019 – Ivanov A.A., Kotov A.E. (2019). Ekonomicheskaya publitsistika gazety «Okrainy Rossii» [Economic journalism of the newspaper «Okrainy Rossii»]. *Voprosy istorii*. 8: 50-63. [in Russian]

Kabuzan, 1976 – Kabuzan V.M. (1976). Kak zaselyalsya Dal'niy Vostok: (Vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.) [How the Far East was settled: (Second half of XVII – beginning of XX century)]. Habarovsk: Kn. izd-vo, 198 p. [in Russian]

Khodjakov, 2018 – Khodjakov M.V. (2018). Hleb Man'chzhurii i gosudarstvennye interesy Rossii na Dal'nem Vostoke nakanune Pervoi mirovoi voyni [Bread of Manchuria and the state interests of Russia in the Far East on the eve of the First World War]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im S.A. Esenina*. 3(60), pp. 39-45. [in Russian]

Khodjakov, 2019 – Khodjakov M.V. (2019). Russian legislation of the early 20th century on the use of yellow labour in the economy of the Far East. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*. No. 60, pp. 78-83. [in Russian]

Khodjakov, Zhao, 2017 – Khodjakov M.V., Zhiqing Zhao (2017). Chinese Labor Migration to Russia during the First World War. *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 7-30. [in Russian]

Larin, 2009 – Larin A.G. (2009). Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M.: Vostochnaya kniga, 512 p. [in Russian]

Lubavskiy, 1996 – Lubavskiy M.K. (1996). Obzor istorii russkoy kolonizacii s drevneyshih vremen i do XX veka. A.Ya. Degtyarev (ed.) [Review of the history of Russian colonization from ancient times to the XX century]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 682 p. [in Russian]

Prostakishina, 2012 – Prostakishina N.P. (2012). Osobennosti pereselencheskoy politiki na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX v. – nachale XX v. [Features of the migration policy in the Far East in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century]. *Istoriya i arheologiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (g. Sankt-Peterburg, noyabr' 2012 g.)*. SPb.: Renome, pp. 54-58. [in Russian]

Remnev, 2004 – Remnev A.V. (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov [Russia of the Far East. Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 548 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archives].

RGIA DV – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East].

Sidorkina, 1997 – Sidorkina Z.I. (1997). Demograficheskie processy i demograficheskaya politika na Rossijskom Dal'nem Vostoke [Demographic processes and demographic policy in the Russian Far East]. Z.I. Sidorkina; RAS. Dal'nevostochnoe otdelenie, Tihookeanskiy institut geografii. Vladivostok: Dal'nauka, 125 p. [in Russian]

Sorokina, 1999 – Sorokina T.N. (1999). Hozyaistvennaya deyatelnost' kitayskih poddannyh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administracii priamurskogo kraja (konec XIX – nachalo XX vv.) [Economic activity of Chinese subjects in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur Region (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Izd-vo OGU, 264 p. [in Russian]

Ustyugova, 2002 – Ustyugova O.A. (2002). Torgovlya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: avtoreferat dissertacii kandidata nauk [Trade in the South of the Far East of Russia in the second half of the XIX century: abstract for the PhD]. Vladivostok, 23 p. [in Russian]

Vitte, 1994 – Vitte S.Ju. (1994). Vospominaniya: V 3 t. T. 2: 1894-1905. Tsarstvovanie Nikolaya II [Memoirs: In 3 volumes. Vol. 2: 1894-1905. The reign of Nicholas II]. Tallin, M.: Skif Aleks, 576 p. [in Russian]

Yanchenko, Slobodzyan, 2017 – Yanchenko D.G., Slobodzyan G.M. (2017). Kolonizatsiya Russkogo Dal'nego Vostoka v pravitel'stvennoi politike 1909-1911 gg. [Colonization of the Russian Far East in the government policy of 1909-1911]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 12. pp. 93-106. [in Russian]

Yanchenko, Starovoytova, 2018 – Yanchenko D.G., Starovoytova E.O. (2018). Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy. *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 8. No. 3, pp. 583-595. [in Russian]

Колонизация, миграция и порто-франко на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.

Елена Олеговна Старовойтова ^а, Денис Геннадьевич Янченко ^а . *

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах Российского государственного исторического архива и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока охарактеризована миграционная политика, проводимая центральными и региональными властями на Дальнем Востоке Российской империи. Активная фаза крестьянского переселения из европейской России и Сибири затрагивала преимущественно период столыпинских преобразований. Если в Приамурье русская колонизация велась на подготовленных и относительно хорошо развитых по инфраструктуре территориях, то Камчатке и Сахалину внимания властей и финансирования не хватало постоянно. Сахалинская каторга, просуществовавшая почти 35 лет, даже после отмены оказывала влияние не только на юридический статус местных жителей, но и на финансирование переселенцев. Система порто-франко как составная часть политики по экономическому обеспечению дальневосточной окраины с 1870–1880 гг. сопровождалась привлечением дешевой рабочей силы из Северо-Восточного Китая. Примечательно, что все попытки отмены порто-франко сопровождались множественными дискуссиями о «желтой опасности» и необходимости усиления русского влияния.

Ключевые слова: Дальний Восток, колонизация, миграция, китайская рабочая сила, Сахалин, Камчатка, аграрный вопрос, порто-франко.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e.starovoytova@spbu.ru (Е.О. Старовойтова), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко)